

П. А. КУЛИШЪ.

Біографіческій очеркъ

Б. Гринченко.

Приложеніе къ выпуску I-му «Земскаго Сборника» Черниговской губ. за 1899 г.

ЧЕРНИГОВЪ.
Типографія Губернскаго земства.
1899.

П. А. КУЛИШЪ.

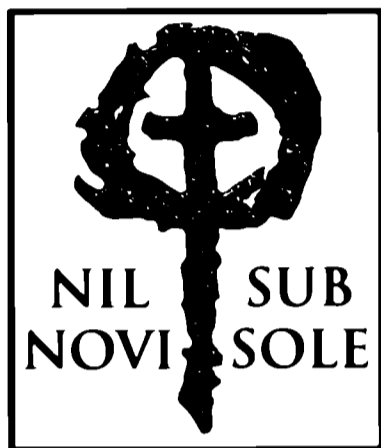
Біографіческій очеркъ

Б. Гринченко.

Приложеніе къ выпуску I-му «Земскаго Сборника» Черниговской губ. за 1899 г.

ЧЕРНИГОВЪ.
Типографія Губернскаго земства.
1899.

Печатать дозволено.

Москва. 24 апреля 1899

**Перевидання книги здійснено
Чернігівською обласною універсальною
науковою бібліотекою
ім. В. Г. Короленка в 2001 році
Ризограф ОУНБ ім. В. Г. Короленка
Підписано до друку 01.08.01 р.**

Тираж 300 примірників

П А КУЛИШЪ

Имя, поставленное во главѣ этого очерка, принадлежитъ одному изъ замѣчательнѣйшихъ уроженцевъ Черниговской губернии

Мы не намѣрены писать биографіи Кулиша. Его жизнь слишкомъ близка еще къ намъ, результаты его дѣятельности далеко еще не опредѣлились, чтобы можно было это сдѣлать съ достаточной полнотой и опредѣленностью. Но все же для пониманія этой личности необходимо напомнить главные факты его жизни

Онъ родился 27 июля 1819 г въ м Воронежѣ, Глуховскаго у Черниговской губ., въ семьѣ мѣлкопомѣстнаго панка, предки котораго были козаками. Семья жила не бѣдно, но жила просто, по старосвѣтски. отецъ своими руками строилъ и мастерилъ, мать была неграмотна. Въ семьѣ говорили, конечно, только по малорусски, и иного языка мальчикъ пока не зналъ

Первые шаги его по пути образованія сдѣланы были при поэтической обстановкѣ. мальчикъ влюбился въ свою двоюродную сестру Лесю, которая была старше его на четыре года. Она выучила его читать по церковно-славянски и передавала своему влюбленному ученику поэтическія народныя сказки, а онъ мечталъ о томъ, что одѣнетъ ее всю въ золото — тогда, когда вырастетъ и будетъ богачемъ. Онъ действительно сдѣлался богачемъ — духа, но своего намѣренія не могъ исполнить. пьяница—мужъ уложилъ въ гробъ его Лесю ..

Вторымъ лицомъ, сильно поразившимъ дѣтское воображеніе маленькаго Кулиша была богатая помѣщица, сосѣдка Кулишей, Ульяна Мужилловская. Кулишъ описалъ ее потомъ въ повѣсти “Ульяна Терентьевна”, а въ своихъ воспоминаніяхъ онъ рассказываетъ, что она представлялась ему тогда какою-то царицею или богинею, сияющею умомъ и разсыпающею вокругъ себя добро. Къ такому представленію о ней склоняло Кулиша, между прочимъ, то вліяніе, какое Мужилловская имѣла на его отца. мать Кулиша дрожала предъ своимъ деспотическимъ и горячимъ мужемъ, а онъ слѣдовалъ совѣтамъ и указаніямъ Мужилловской какъ

ребенокъ. Умный впечатлительный мальчикъ проникался, подъ ея вліяніемъ, духомъ идеализма, и уже съ этого времени, по его словамъ, у него явилось пренебреженіе къ судьбѣ обыкновеннаго человека: онъ мечталъ о чемъ то особенномъ и старался стать выше всѣхъ своихъ товарищей.

Настояніямъ Мужилловской онъ обязанъ былъ и тѣмъ, что отецъ, послѣ уѣзднаго училища, отдалъ его не въ канцелярію суда, какъ предполагалъ, а въ Новгородсѣверскую гимназію.

Сперва онъ былъ очень плохимъ ученикомъ, такъ какъ не понималъ по русски; но побѣдивъ это препятствіе, сдѣлался первымъ въ классѣ. Впрочемъ учиться было почти нечему, такъ какъ учителя были лишь плохіе чиновники, и умнѣе всѣхъ учителей казался Кулишу его товарищъ Сердюковъ, вмѣстѣ съ которымъ онъ читалъ Жуковскаго и Пушкина, самъ-же Сердюковъ читалъ въ оригиналѣ Гете и Шиллера.

Гордая натура Кулиша проявлялась уже тогда. Однажды онъ не могъ рѣшить алгебраической задачи. Учитель велѣлъ ему стать на колѣни. Мальчикъ сказалъ:

— Если поставите меня на колѣни, то заброшу навсегда алгебру; а если на этотъ разъ простите, — буду хорошимъ ученикомъ.

Учитель поставилъ его на колѣни, а Кулишъ, прекрасно учившійся по всѣмъ предметамъ, совсѣмъ оставилъ алгебру и на экзаменѣ заявилъ, что ничего изъ нея не знаетъ, что, впрочемъ, не помѣшало ему, благодаря добротѣ директора, перейти въ слѣдующій классъ.

Тогда же, въ Новгородсѣверскѣ, онъ впервые заинтересовался произведеніями малорусскихъ авторовъ. До тѣхъ поръ онъ читалъ Гулака-Артемовскаго, первыя повѣсти Квитки, потомъ вдвоемъ съ Сердюковымъ наслаждался малорусскими рассказами Гоголя и даже самъ написалъ со словъ своей матери по украински сказку “Цыганъ”; но сознательнаго отношенія къ языку у него не было. Случайно Кулишъ пріобрѣлъ въ бакалейной лавкѣ сборникъ народныхъ украинскихъ думъ и пѣсенъ Максимовича, изданный въ 1834 г., и началъ читать книгу вдвоемъ съ Сердюковымъ.

Сборникъ произвелъ на обоихъ такое впечатлѣніе, что они забыли и о Квиткѣ съ Гоголемъ, и о нѣмецкихъ классикахъ. Кулишъ носился вездѣ съ книжкой, каждому ее читалъ — до тѣхъ поръ, пока всѣмъ надоѣлъ такъ, что надъ нимъ стали смѣяться и убѣгать отъ его чтенія. Тогда онъ выучилъ всю книгу на память, чтобы никогда не разставаться съ ней.

Отецъ не далъ сыну возможности окончить гимназію. Кулишъ вышелъ изъ нея, перейдя въ предпоследній классъ, былъ учителемъ въ помѣщичьихъ семьяхъ и готовился къ поступленію въ университетъ; выдержавъ экзаменъ въ Кіевѣ, онъ поступилъ сперва на словесный, а потомъ юридическій факультетъ.

Кромѣ университетскихъ лекцій, большое вліяніе оказывалъ тогда на Кулиша извѣстный историкъ, этнографъ и филологъ Максимовичъ, бывшій въ то время профессоромъ Кіевскаго университета. Кулишъ пріобрѣлъ его симпатіи, представивъ ему сборникъ народныхъ пѣсенъ, записанныхъ отъ матери. Молодой студентъ приходилъ въ гости къ профессору, оба вмѣстѣ работали надъ собраніемъ пѣсенъ и читали Вальтера Скотта, при чемъ профессоръ объяснялъ Кулишу законы литературнаго творчества. Подъ вліяніемъ Максимовича начались и первыя литературныя работы Кулиша: въ изданномъ Максимовичемъ въ 1840 году сборникѣ “Кіевлянинъ” напечатанъ былъ переводъ двухъ народныхъ малорусскихъ легендъ, сдѣланный Кулишемъ.

Недостатокъ средствъ и здѣсь сильно мѣшало Кулишу заниматься наукой: бѣдствуя, онъ принужденъ былъ бросить университетъ и зарабатывать въ качествѣ учителя городскихъ школъ въ Луцкѣ и Кіевѣ, потомъ снова возвращался къ университетскимъ лекціямъ.

Однако это не мѣшало ему заниматься литературой, и въ 1843 году появился его историческій романъ “Михайло Чарнышенко, или Малороссія восемьдесятъ лѣтъ назадъ”, мысль о написаніи котораго навѣяна была ему чтеніемъ Вальтера Скотта.

Въ то-же время онъ занялся болѣе основательнымъ изученіемъ своего народа, и мы видимъ, что въ 1844 и 1845 годахъ Кулишъ

обошелъ и объѣхалъ всю Кіевскую губернію, собирая этнографическіе матеріали, вошедшіе потомъ въ его “Записки о Южной Руси”. Обходя села и разговаривая съ народными кобзарями и стариками, Кулишъ иногда декламировалъ имъ на память величественныя кобзарскія думы, изучать которыя онъ, какъ мы видѣли, началъ еще гимназистомъ. Этимъ онъ страшно поражалъ своихъ слушателей, никогда не предполагавшихъ, чтобы “панъ” могъ сохранять въ своей головѣ произведенія, считавшіяся ими исключительнымъ достояніемъ села. Воодушевленные и этими воспоминаніями о прошломъ, и невиданнымъ ими доселѣ человѣческимъ отношеніемъ этого “пана” къ нимъ, “мужикамъ”, эти люди раскрывали предъ нимъ свою, душу, и Кулишъ не разъ долженъ былъ прятаться и уходить тайкомъ отъ своихъ сельскихъ друзей, которые, не слыхавъ никогда ничего подобнаго, начинали распространять вокругъ него слухи, что это царскій сынъ, тайкомъ отъ пановъ, ходитъ среди народа, желая узнать его нужды.

Во время своихъ этнографическихъ экскурсій Кулишъ познакомился съ двумя, жившими въ Малороссіи, представителями польской интеллигенціи: историкомъ Грабовскимъ и этнографомъ Свидзинскимъ. Всѣ трое они обмѣнивались между собою своими знаніями, записями, книгами; сходились на интересъ къ местной исторіи и этнографіи, но сильно расходились во взглядахъ на малорусскій народъ и его прошлое. Изъ другихъ знакомствъ его въ это время слѣдуетъ отмѣтить знакомство съ Шевченкомъ, Костомаровымъ и Василиемъ Бѣлозерскимъ, впоследствии редакторомъ “Основы”.

Интересно его первое знакомство съ Шевченкомъ. Въ комнату Кулиша входитъ кто то въ парусиновой одеждѣ и говоритъ:

— Здорови були! А вгадайте—кто?

— Кто жъ, якъ не Шевченко! — отвѣтилъ Кулишъ, хотя даже и портрета поэта никогда не видалъ.

— Винъ и є! — отвѣтилъ гость.

Между новыми знакомыми скоро завязались сердечныя отношенія, которыя, однако, нѣсколько оклаждались сильнымъ

несоответствіемъ натуръ обояхъ писателей: Шевченку не нравилась “аристократичность” Кулиша, а послѣдній не совсѣмъ мирился съ проявленіями сильнаго, “козацько-бурлацького” демократизма поэта

Съ Костомаровымъ Кулиша сближалъ ихъ интересъ къ родной старинѣ, изученію которой они оба ревностно предавались, съ Вѣлозерскимъ, кромѣ сходства взглядовъ и симпатій, ихъ связывали еще и иного рода отношенія будучи въ гостяхъ у Вѣлозерскаго въ Борзенскомъ уѣздѣ Черниговской губ., Кулишъ познакомился тамъ съ его сестрой, произведшей на него сильное впечатлѣніе и сдѣлавшейся черезъ три года женой нашего писателя.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ самомъ пачалѣ своей литературной деятельности Кулишъ попалъ въ кругъ лучшихъ представителей мѣстной интеллигенціи, людей съ знаніями, умомъ и талантомъ. Это, конечно, не могло не дѣйствовать благотворно-развивающимъ образомъ на него самого и не укрѣплять его въ намѣреніи работать надъ изученіемъ народнаго быта и мѣстной исторіи, которой онъ интересовался по преимуществу

Онъ изучалъ кровавую эпопею народной борьбы съ враждебными народу элементами по книгамъ и старымъ документамъ, по древнимъ раскопаннымъ моридамъ и по полнымъ жизни и поэзиі преданіямъ и пѣснямъ родного села. На него повѣяло духомъ стараго героизма малорусской исторіи, и у него явилась мысль создать украинскую “Илладу” Ему хотѣлось собрать думы о всѣхъ малорусскихъ гетманахъ и, объединивъ ихъ въ одно цѣлое, создать нѣчто подобное Гомеровою эпопее. Онъ ходилъ изъ села въ село, выспрашивая, выслушивая эти думы, но все же ему не удалось собрать ничего цѣльнаго подобнаго “Илладѣ” объ одномъ народныя массы не сложили совсѣмъ пѣсенъ, о другомъ — уже успѣли забыть сложеныя. Тогда молодой поэтъ рѣшилъ взять всѣ извѣстныя ему народныя думы, расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, а пробѣлы заполнить думами собственнаго сочиненія. Первая часть этой работы подъ заглавіемъ “Украина” появилась въ 1843 г. Она

заключала въ себѣ двѣнадцать думъ, воспѣвавшихъ событія съ Владимира Святаго до Хмельницкаго, пять думъ были народныя, а семь — произведенія самого Кулиша, написанныя въ томъ-же духѣ, не безъ таланта и прекраснымъ малорусскимъ языкомъ. Но какъ разъ въ это время публика только что прочитала “Кобзаря” Шевченко, и огненная поэзія гениальнаго народнаго поэта оставила въ тѣни меньшую поэтическую силу. Кулишъ надолго замолкъ какъ поэтъ-стихотворецъ. Но Гомеръ вдохновилъ его еще на одно произведение. Подъ впечатлѣніемъ шестой пѣсни “Одиссея” Кулишъ написалъ “Орысю” — граціозную, поэтическую идиллію

Между тѣмъ въ Кіевѣ уже составилъ кружокъ молодежи, къ которому принадлежалъ и Кулишъ. Вотъ какъ онъ самъ, въ одной изъ своихъ книгъ, характеризуетъ этотъ кружокъ. “Среди этой молодежи явился Шевченко съ своимъ громкимъ плачемъ надъ несчастною судьбою народа и запылъ предъ ними”

Свите тыхый, краю мылый. ..

Эта пѣсня была для нихъ по истинѣ звукомъ архангелъской трубы воскрешенія. Если когда либо говорили правду, что сердце ожгло, что глаза заблестали, что надъ головой у челоуѣка загорѣлся пламенный языкъ, — то это было тогда въ Кіевѣ” Маленькій кружокъ смотрѣлъ на Шевченка какъ на пророка, а на себя — какъ на вдохновенныхъ свыше на великое дѣло развитіе малорусской литературы и поднятіе крѣпостнаго народа — изъ рабства духовнаго и социального “Необходимо знать”, — говоритъ Кулишъ, — “что эта Кіевская молодежь была сильно проникнута евангельскими идеалами, что это была молодежь высокой нравственной чистоты и что энустольство любви къ ближнему достигало среди нея до энгузіазма”. Къ этому должно прибавить вѣдніе принциповъ, выработанныхъ западно-европейскимъ умственнымъ движеніемъ того времени. “Мы имѣли въ виду” — говоритъ Кулишъ, — “не одно только освобожденіе крѣпостнаго. Этого намъ было мало. или лучше сказать, это было, у насъ послѣднимъ дѣломъ. Программою нашего освобожденія

крѣпостныхъ служили слова Спасителя “И уразумѣете истину, и истина свободитъ вы” Мы знали, что въ Англии не право и не декретъ, а культура уничтожила крѣпостное право” Кружокъ пока учился самъ, училъ другихъ, стараясь привить сыновьямъ помѣщиковъ возвышенныя гуманныя идеи и убѣждая эту молодежь, что необходимо уничтожить крѣпостное право и готовить дворянство къ этому акту

Между тѣмъ Кулишъ напечаталъ первыя главы своего историческаго романа “Черная рада” въ журналѣ П. А. Плетнева, “Современникъ” (1845) По этому поводу возникла переписка у Кулиша съ Плетневымъ, имѣвшая тотъ результатъ, что Плетневъ, бывший тогда ректоромъ университета и управлявшій учебнымъ округомъ, вызвалъ Кулиша въ Петербургъ и далъ ему сразу двѣ должности учителя гимназій и преподавателя русскаго языка студентамъ иностранцамъ въ университетѣ. Плетневъ очень полюбилъ начинающаго писателя, и они видѣлись почти ежедневно. Интересно, что пишетъ Плетневъ (въ письмахъ къ Я. К. Гроту) о Кулишѣ того времени: “Кулишъ” — молодой человекъ высокихъ нравственныхъ и религиозныхъ правилъ”, “высокій образецъ чувствованій и дѣлъ”, “интересный и наружностью и чистотою души и умомъ” *)

Живя въ Петербургѣ и помогая Плетневу въ работахъ по “Современнику”, Кулишъ не забывалъ малорусской истории и посылалъ въ Москву Бодянскому, для напечатанія въ “Чтеніяхъ Московскаго общества истории и древностей русскіихъ”, секретаремъ котораго состоялъ Бодянский, различныя рукописныя малорусскія лѣтописи, между прочимъ знаменитую “Лѣтопись Самовидца”, принималъ участие въ судьбахъ “Чтеній”, обрабатывалъ для изданія свои этнографическіе матеріалы и вообще проявлялъ самую разнообразную дѣятельность, не смотря на то, что, не отличаясь вообще здоровьемъ, часто прихварывалъ и лично не чувствовалъ себя счастливымъ “Гдѣ тутъ везетъ?” —

*) Киевская Старина, 1896, XII, 87—88

отвѣчаетъ онъ Бодянскому на письмо. — “Я долженъ везти а не мнѣ везеть”.*) Онъ перезнакомился уже въ это время съ цвѣтомъ Петербургской интеллигенціи и обратилъ на себя вниманіе своими трудами. Незадолго до этого умеръ академикъ славистъ Прейсъ. По настоянію Плетнева академія наукъ послала Кулиша, хотя онъ и не окончилъ университета, за границу, чтобы, по возвращеніи, онъ занялъ мѣсто адъюнкта академіи и кафедру славянскихъ литературъ въ университетѣ. Кулишъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Черниговщину, где 22 января 1847 г. женился на сестрѣ Василя Бѣлозерскаго Александрѣ Михайловнѣ, извѣстной теперь въ литературѣ подъ псевдонимомъ Ганны Барвинокъ; свадьба происходила въ той самой Оленовкѣ, въ которой онъ умеръ и похороненъ. Счастливый и полный надеждъ выѣхалъ Кулишъ, вмѣстѣ съ женой и ея братомъ, за границу, но по пути остановился на нѣкоторое время въ Варшавѣ.

Неожиданный поворотъ обстоятельствъ разрушилъ всѣ надежды Кулиша.

Во время отсутствія Кулиша изъ Кіева кіевскій кружокъ окончательно организовался въ тайное общество, называвшееся “Братствомъ св. Кирилла и Меѳодія” (25 декабря 1846). Членами этого братства были Николай Гулакъ, Николай Костомаровъ (основавшій братство),**) Александръ Навроцкій, Василій Бѣлозерскій, Аѳанасій Марковичъ (Марко Вовчокъ), Посяда, Андрузскій, Тулубъ, Савичъ... По словамъ Кулиша, ни онъ, ни Шевченко не состояли членами этого “Братства”, такъ какъ “братчики” рѣшили, что оба они и безъ того будутъ работать для той же идеи и въ то же время останутся въ сторонѣ въ случаѣ открытія общества. Интересы этого кружка не ограничивались предѣлами малорусской народности. Члены его мечтали объ общеславянской взаимности, соединяя съ послѣдней пожеланія

*) Кіевская Старина, 1897, IX, 394—408.

***) Костомаровъ, въ своей статьѣ въ «Кіевской Стар.» говоритъ, что были только разговоры о братствѣ, но самого общества не было. Во всякомъ случаѣ программа его существовала.

прогресса въ своей странѣ. “Взаимность славянскихъ народовъ”, — писалъ позже объ этомъ кружкѣ Костомаровъ, — “въ нашемъ воображеніи не ограничивалась уже сферою науки и поэзіи, но стала представляться въ образахъ, въ которыхъ, какъ намъ казалось, она должна была воплотиться для будущей исторіи. Помимо нашей воли сталъ намъ представляться федеративный строй, какъ самое счастливое теченіе общественной жизни славянскихъ націй.. Во всѣхъ частяхъ федераціи предполагались одинакіе основные законы и права, равенство вѣса, мѣръ и монеты, отсутствіе таможенъ и о свобода торговли, всеобщее уничтоженіе крѣпостного права и рабства въ какомъ бы то ни было видѣ, единая центральная власть, завѣдующая сношеніями внѣ союза, войскомъ и флотомъ, но полная автономія каждой части по отношенію къ внутреннимъ учрежденіямъ, внутреннему управленію, судопроизводству и народному образованію”.*) Общество должно было быть общеславянскимъ, почему въ него принимались “славяне всѣхъ племенъ и всѣхъ знаній”. Изъ ближайшихъ цѣлей намѣчены были слѣдующія: “Такъ какъ славянскія племена въ настоящее время иновѣдуютъ различныя вѣроисповѣданія и имѣютъ предубѣжденія другъ противъ друга, то общество будетъ стараться объ уничтоженіи всякой письменной и религіозной вражды между ними и распространять идею о возможности примиренія разногласій въ христіанскихъ церквяхъ.—

*) См. «Энциклопедическій Словарь» Брокгауза и Ефрона, полутомъ 31, Костомаровъ. Свѣдѣнія о Кіевскомъ кружкѣ, Кирилло-Меѣодьевскомъ братствѣ, равно и обо всѣхъ послѣдующихъ, событіяхъ см. еще въ «Кіевской Старинѣ» (1883, II, 228-229), «Очеркахъ исторіи украинской литературы XIX ст.» проф. Н. И. Петрова (главы о Костомаровѣ), Кулишѣ, Шевченко и Навроцкомъ) и разборъ этой книги проф. Дашкевичемъ («Отчетъ о 29-мъ присужденіи наградъ графа Уварова». Академія наукъ. Спб. 1888), «Исторіи славянскихъ литературъ» Пынина и Спасовича, автобіографіи Костомарова (Литературное Наслѣдіе, Спб. 1890), книгъ А. Конисскаго “Жизнь украинскаго поэта Т. Г. Шевченко» (Одесса, 1898) “Русскомъ архивѣ», 1892, №7, стр. 334—359 (докладъ графа Орлова о слѣдствіи). «Исторіи русской этнографіи» А. Н. Пыпина, т. III (главы о Кулишѣ и Костомаровѣ) и др.

Общество будетъ стараться заранѣе объ искорененіи рабства и всякаго униженія низшихъ классовъ, равнымъ образомъ и о повсемѣстномъ распространеніи грамотности.”

Братство просуществовало не долго. Студентъ Алексѣй Петровъ, подслушавъ разговоръ “братчиковъ” въ квартирѣ Гулака, сдѣлалъ доносъ, и весной 1847-го года арестовали вышеназванныхъ членовъ братства, равно Шевченка и Кулиша, послѣдняго въ Варшавѣ. Кулиша привезли въ Петербургъ. На всѣ увѣренія его, что онъ не принималъ участія въ братствѣ, не обращали вниманія и считали его руководителемъ всего дѣла. Наконецъ, Кулишъ былъ обвиненъ за написаніе брошюры для дѣтей “Повѣсть объ украинскомъ народѣ”, напечатанной въ 1846 еще году въ дѣтскомъ журналѣ Ишимовой — “Звѣздочка”, присужденъ къ заключенію на два мѣсяца въ крѣпость, а затѣмъ сосланъ въ Тулу съ запрещеніемъ служить по министерству народнаго просвѣщенія и писать.

Въ Тулѣ Кулишъ прожилъ три года и три мѣсяца, получая 300 руб. въ годъ за редакторство “Губернскихъ Вѣдомостей”. Въ это время онъ изучалъ иностранные языки (онъ изучилъ впоследствии, безъ помощи учителя, шесть иностранныхъ языковъ, не считая, конечно, славянскихъ) и написалъ по русски двѣ историческія повѣсти — “Алексѣй Однорогъ” и “Искатели счастья”. Въ 1850 г. онъ былъ освобожденъ отъ подневольнаго жительства. Разсказъ о томъ, какъ онъ принялъ извѣстіе о свободѣ, характеризуетъ его крайнюю впечатлительность. Жандармскій полковникъ пришелъ извѣстить Кулиша о перемены въ его судьбѣ. По его уходѣ Кулишъ сейчасъ же пошелъ къ женѣ сказать объ этомъ. Вошелъ — и не въ состояніи былъ ничего выговорить. Испуганная его видомъ, жена спросила:

— Що таке? що сталося?

Онъ взялъ перо и написалъ: “Волю намъ вернули”.

Сейчасъ же Кулишъ поспѣшилъ выѣхать съ женою въ Петербургъ и началъ зарабатывать журнальнымъ трудомъ: переводилъ и дѣлалъ всякія компиляціи по книгамъ нѣмецкимъ,

англійскимъ, французскимъ и польскимъ, писалъ оригинальныя вещи. Такъ какъ писать ему было запрещено, то онъ печаталъ анонимно или подъ псевдонимами. Поступилъ было на службу въ министерство государственныхъ имуществъ, но служба не шла, и пришлось ее черезъ годъ оставить. Кулишъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Полтавскую губернію. Тамъ одинъ пріятель далъ ему бесплатно въ пользованіе 120 десятинъ земли. Плетневъ и одинъ родственникъ заняли 900 р. Съ этими средствами онъ началъ хозяйничать, выстроивъ на ново себѣ хуторъ. Что умѣлъ, дѣлалъ своими руками. Самъ онъ прекрасно зналъ столярное ремесло (живя въ Петербургѣ, дѣлалъ мебель, скрипки), и теперь по собственному плану и собственными руками строилъ себѣ домъ. Живя на этомъ хуторѣ, онъ познакомился съ Сергѣемъ Аксаковымъ и матерью Гоголя (съ Гоголемъ онъ былъ знакомъ при жизни послѣдняго) и подъ ихъ вліяніемъ составилъ въ двухъ томахъ книгу "Записки о жизни Н В Гоголя" (1856—1857), деньги на изданіе которой далъ С Аксаковъ. Здѣсь же онъ обработалъ къ печати первый томъ своихъ "Записокъ о Южной Руси" и написалъ повѣсть "Феклуша".

Черезъ два года Кулишъ былъ уже въ Кіевѣ, а затѣмъ снова въ Петербургѣ. Одна за другой появляются его собственные книги и книги редактированныя имъ для изданія "Записки о жизни Н В Гоголя" (1856—7), два тома "Записокъ о Южной Руси" (1856—7); "Черная рада" — историческій романъ, сперва по русски, а потомъ по украински, собраніе сочиненій Гоголя (шесть томовъ), переводъ исторіи Маколея и пр. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Содержаніе "Записокъ о Южной Руси" преимущественно историческое и этнографическое, но тамъ же впервые напечатаны двѣ прекрасныя вещи украинской литературы "Орыся" Кулиша и "Наймычка" Шевченка. Научное значеніе "Записокъ о Южной Руси", какъ этнографическаго сборника, большое, не смотря на нѣкоторыя ошибки, неизбежныя въ такомъ новомъ дѣлѣ, какимъ тогда была малорусская этнографія. Кулишъ представлялъ цѣнныя

матеріали, записанніе отъ народа, съ своими интересными замѣчаніями. Книга производила впечатлѣніе на публику не только какъ ученый трудъ, но и какъ наглядное доказательство силы духовнаго творчества народа. Исторіи касается здѣсь Кулишъ въ этнографическихъ записяхъ и своихъ примѣчаніяхъ къ нимъ, а также и въ отдѣльныхъ статьяхъ. Кулишъ защищаетъ малорусскій народъ отъ обвиненій польскихъ историковъ, но въ то же время относится неблагоприятно къ своимъ гайдамакамъ и высказываетъ рѣзкое порицаніе (не всегда, впрочемъ, оправдываемое фактами) по адресу нѣкоторыхъ начальствовавшихъ лицъ бывшей гетманщины, обвиняя ихъ въ эксплуатаціи народа.

“Записки о Южной Руси” имѣли значеніе еще въ одномъ отношеніи. Въ этой книгѣ Кулишъ впервые установилъ малорусское правописаніе, которое и было принято малорусскими писателями. Въ настоящее время въ Австріи, въ малорусскихъ Галиціи и Буковинѣ, это правописаніе введено официально во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, начиная со школы и кончая университетомъ, употребляется въ официальныхъ сношеніяхъ, равно какъ и въ официальномъ “Вистныку державныхъ законовъ”, издаваемомъ правительствомъ для малорусскаго населенія Австріи.

“Чорна рада”, изображающая борьбу за гетманскую булаву между Брюховецкимъ и Сомкомъ, была первымъ историческимъ романомъ, написаннымъ по украински прекраснымъ языкомъ, въ которомъ авторъ очень искусно сумѣлъ соединить матеріалъ стараго малорусскаго книжнаго языка съ современною живою народною рѣчью.

Въ авторѣ видно знатока прошедшаго Малороссіи, картина тогдашней общественной неурядицы въ странѣ нарисована рѣзкими штрихами, есть прекрасно удавшіяся фигуры (напр. Кирило Туръ, Черевань), хорошо нарисованныя картины, но все это нѣсколько холодно, мало теплоты и задушевности. Во всякомъ случаѣ “Чорна рада” остается и всегда будетъ оставаться замѣчательнымъ произведеніемъ украинской литературы, образцовымъ во многихъ отношеніяхъ.

Издавая такія капитальныя вещи, какъ вышеназванныя, Кулишъ обратилъ серіозное вниманіе на просвѣщеніе народа и въ 1857 году издалъ малорусскую “Грамматку” (азбуку) — немного трудную для дѣтей, но прекрасно составленную книгу для чтенія крестьянъ въ селахъ ее и до сихъ поръ читаютъ съ жадностью (Въ 1861 г онъ переиздалъ ее въ сокращеніи) Съ тою же цѣлью Кулишъ напечаталъ второе изданіе малорусскихъ проповѣдей Гречулевича или — лучше сказать — подъ именемъ Гречулевича, (издавшаго малорусскія проповѣди ранѣе) издалъ свои собственныя проповѣди.

Тогда же попалась ему въ руки рукопись “Народнихъ оповиданнивъ” А. Анасія Васильевича Марковича, работавшаго, кажется, при участіи своей жены и скрывшаго свое авторство за нея авторствомъ, давъ ей псевдонимъ “Марко Вовчокъ” На Кулиша произвелъ большое впечатлѣніе талантъ новаго писателя, онъ редактировалъ его рассказы и въ 1857 г издалъ съ своимъ хвалебнымъ предисловіемъ

Въ это время онъ могъ уже печатать за своей подписью и получить заграничный паспортъ Обѣздивъ вдвоємъ съ женою почти всю Европу, Кулишъ въ 1860 г былъ снова въ Петербургъ и просилъ разрѣшенія издавать малорусскій журналъ “Хата”, но долженъ былъ ограничиться только альманахомъ “Хата”, изданнымъ въ одной книгѣ и составленнымъ изъ произведеній Шевченка, Гребинки, Г Барвинокъ, М Вовчка, Щоголева и др Изданное въ томъ же году въ четырехъ томахъ, собраніе его русскихъ “Повѣстей” не провавало впечатлѣнія, за то пользовалась популярностью его “Сильська бібліотека” — серія книжечекъ (всего вышло въ 1860—1862 гг 39 номеровъ), дешево изданныхъ для народнаго чтенія, составленная изъ произведеній самого Кулиша, Шевченка, Квитки, М. Вовчка, Г Барвинокъ, Мордовцева, Кузьменка, Стороженка и др Эти книжечки, прозванныя среди публики “метельками”, представляли тогда почти единственный доступный для народа матеріалъ для чтенія Не ограничиваясь этими маленькими брошюрками, Кулишъ намѣревался дать для народа рядъ научно-популярныхъ книжекъ и началъ дѣло книжкою

“Хмельныцяна”. Дальше должна была слѣдовать отдѣльными такими же выпусками вся исторія Малороссіи; по исполненію этого замысла помѣняла новая большая работа.

Въ 1861 году В. М. Бѣлозерскому разрѣшено было издавать въ Петербургѣ ежемѣсячный журналъ **“Основа”** — на малорусскомъ и русскомъ языкахъ. Однако для веденія такого журнала пока было слишкомъ мало силъ, т. е. людей съ талантомъ, знаніемъ народа и его языка. Можно было заранее сказать, что журналъ почти не могъ существовать съ тѣми ограниченными силами, какія имѣлись на лицо. Шевченко уже умиралъ, и, кромѣ Кулиша, только Марка Вовчка и можно было тогда считать за серіозную рабочую величину. Изъ такого положенія могъ быть только одинъ выходъ, а именно тотъ, что долженъ былъ найтись такой человекъ, который посвятилъ бы себя этому дѣлу, взялъ бы три четверти работы на свои плечи и имѣлъ бы достаточно силъ, чтобы не согнуться подъ этою тяжестью. Такой человекъ и нашлся въ лицѣ Кулиша. Только онъ одинъ и могъ сдѣлать это дѣло, и безъ него **“Основа”** врядъ ли пошла бы дальше 3—4 книжекъ перваго года. Только онъ одинъ изъ всѣхъ малороссовъ того времени зналъ такъ малорусскій языкъ, что могъ писать имъ — и писать прекрасно — все, что хотѣлъ: и научную исторію Украины (**“Исторія Украины одъ найдавніньхъ часивъ”** — въ **“Основѣ”**), и критическія статьи, и романы, повѣсти, пѣзмы, лирическія стихотворенія. Исторію Малороссіи онъ зналъ не хуже Костомарова, былъ, какъ и этотъ послѣдній, въ высшей степени трудолюбивъ, имѣлъ живую, подвижную, энергическую натуру и пылалъ страстнымъ желаніемъ работать для народнаго добра, а крупный литературный талантъ давалъ ему возможность удовлетворить это желаніе въ обширныхъ размѣрахъ. Поэтому съ первой же книги **“Основы”** мы видимъ, какую большую долю своего труда вкладываетъ онъ въ дѣло. Онъ такъ наполняетъ книжки журнала своими работами, что принужденъ закрываться многими псевдонимами. Онъ печатаетъ тамъ рядъ своихъ пѣзмъ и мелкихъ стихотвореній (послѣ смерти Шевченка), рассказы,

“Лысты съ хутора”, рецензїи, статьи по малорусской исторїи, составляетъ прилагаемый къ каждой книжкѣ словарь. Его научныя статьи указываютъ путь новымъ работникамъ, а въ поэзїи онъ старается затрагивать такія струны, какихъ еще не касался Шевченко.

Многія статьи Кулиша въ “Основѣ” посвящены критическому пересмотру прошлаго Малороссїи и ея литературы, а также полемикѣ съ противниками взглядовъ журнала. Таковы его статьи — “Обзоръ украинской литературы” — “Климентій, Котляревскій, Гулакъ, Гоголь”. “Характеръ и задача украинской критики”, “Простонародность украинской словесности”, “Полякамъ объ украинцахъ”, “Отвѣтъ Дню” и др. Пылкій борецъ, Кулишъ, нанося свои удары направо и налево въ защиту ясной для его выдающагося ума истины, попадаетъ иногда, но ошибкѣ, въ друзей (напр. его взглядъ на Котляревскаго, который онъ самъ потомъ измѣнилъ), но идея демократизма, права только что раскрытою тогда массы, народное просвѣщеніе и самобытное развитіе творческихъ народныхъ силъ нашли въ немъ горячаго и талантливаго защитника, высказавшаго цѣлый рядъ новыхъ и оригинальныхъ мыслей.

Въ “Основѣ”, какъ уже сказано, печатались стихотворенія Кулиша. Въ 1862 г. онъ собралъ ихъ въ одинъ сборникъ, озаглавленный “Досвіткы”.*) Послѣ “Кобзаря” Шевченко это лучшій сборникъ малорусской поэзїи, который всегда будетъ читаться земляками поэта. Весь этотъ небольшой томикъ это — поэтическое воззваніе къ пробужденію отъ духовнаго сна:

Ой ударю зразу
У струны живыи:
Прокыньтесь, вставайте,
Старыи й малыи!
Вищуваннямъ новымъ

*) Досвіткы. Думы и поэмы П. Кулиша. Сяб. 1862. (Второе изд. Кїевъ, 1876).

Мое сердце бьется,
Через край из сердца
Ридне слово льется...

Поэтъ воскрешаетъ передъ нами своимъ поэтическимъ словомъ мученическіе образы предковъ, боровшихся за лучшіе идеалы народа и сложившихъ голову въ этой борьбѣ. Печально звучитъ пѣснь поэта при воспоминаніи объ этихъ могилкахъ, но не одною печалью наполнено его благородное сердце. На угрозы польскихъ пановъ карать страшными муками всѣхъ, кто восстанетъ за свободу, онъ отвѣчаетъ:

Нехай буде, нехай буде,
Колы Божа воля,
Щобъ росла въ бояхъ кривавыхъ
Українська доля!
Нехай знають на всьмъ свѣти,
Якъ мы погыбали
И, гынучы, свою правду
Кровью запысали.
Запысали, — прочитають
Непысьменни люде,
Що до суду изъ шляхетствомъ
Згоды въ насъ не буде.
Поки Рось зоветься Россю,
Днипро въ море льється, —
Цоты сердце українське
Съ панськымъ не зживеться!

Среди длинной галлерей историческихъ лицъ поэтъ выбираетъ для изображенія такія рыцарско-благородныя фигуры какъ Немиричъ и рисуетъ съ него своего Голку въ поэмѣ "Вельки проводы". Голка, это — немного Немиричъ, немного самъ Кулишъ:

Ой засію я надіи
И думы високи
У козацькій, у льцарській
Натури широкій.

такъ думаетъ онъ.

Збудується церква нова,
Пидъ небо знесеться,
Якъ истыны вичне слово
На весь муръ прольеться,
Якъ забудуть бративъ браття
Мужыками звати,
Якъ у всехъ насъ на Вкраини
Одна буде маты.

Съ такими мыслями и чувствами идетъ Голка защищать народную свободу и истину. Но слишкомъ высоко стоялъ онъ по сравненію съ своимъ народомъ, не избавившимся еще отъ чувствъ племенной вражды, и народъ не можетъ его понять. Голка умираетъ отъ рукъ своихъ же братьевъ, и брошенное въ Днѣпръ-Славу его великое сердце

Ростерзане, кривавее
Бъється пидъ водою
И всю воду исповняе
Думою святою.

Но не всѣ могутъ прозрѣть сердцемъ въ эту тайну родной рѣки:

Прозирають у Славу
Зъ устя до вершыны
Не спанили, не схлопили
Диты Украины.

Отъ прошедшаго поэтъ обращается къ настоящему, и печально звучать его струны:

Ой нимуе, ой сумуе
Наша вбога хата,
Що багатый одцурався
Убогого брата!

Поминаю усихъ мертвыхъ,
А по живыхъ плачу,
Що никого я живого
Середъ нихъ не бачу

Но нѣтъ, есть и живые Уже вырастають тѣ, которые
приближають на землѣ царство истины. У этихъ людей одно
дѣло

Святу правду
Сіяти въ народи
И этимъ дѣломъ —
Доказаты,
Що мы — рідни диты
Тыхъ велькихъ, що за правду
Гынуды на свити! (Стр 36—37-я 2 го изд.)

“Досвитки” — это плачь надъ тяжелымъ прошедшимъ и
настоящимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, это призывъ къ лучшему, свѣтлому
будущему

Ой скоро свить буде,
Прокынуться люде,
У всяке виконце
Засіє сонце!

И чтобы это солнце засіяло — онъ работаетъ неутомимо Кромѣ
“Основы”, онъ печатаетъ еще въ “Черниговскомъ листкѣ”,
составляетъ малорусскій словарь и т п , и т, д. Его дѣятельность
доставляетъ ему тогда популярность и уваженіе среди земляковъ
и неземляковъ. онъ свой и въ Киевѣ, Полтавѣ, Харьковѣ, Черниговѣ,
и въ Петербургѣ и Москвѣ. Его имя повторялось среди малорусской
молодежи, а его портреты отпечатлѣвались не только на бумагѣ,
но и въ сердцѣ не одной “панночки”, начинавшей любить родное
слово, и поэтъ имѣлъ право сказать о себѣ.

На далекій Украины

Не одна, не двѣ дивчины
Ради мене привитаты,
До серденька прыгортаты,
Въ речахъ душу выливаты,
Братомъ, татомъ называты (Доспиткы, 46)

Юмористы слагали шуточные рассказы о почитаніи, которымъ пользоваяся тогда Кулишъ среди своихъ поклонниковъ и поклонницъ

Но между этими цвѣтами было много и терній, и часто весьма чувствительныхъ и очень вредившихъ дѣлу. Этимъ, между прочимъ, объясняется то обстоятельство, что "Основа", выйдя въ 22 книжкахъ, должна была пріостановиться, не закончивъ второго года. Пока еще трудно разобраться въ той путаницѣ недоразумѣній, которая произошла тогда среди кружка "Оснoвы" въ Петербургѣ. Кое-какія поясненія по этому вопросу даетъ г. Мордовцевъ въ своей книжкѣ "За крашанку — пысанка" (*), но все же еще больше остается неразъясненнымъ. Не вдаваясь въ подробности, которыя заняли бы слишкомъ много мѣста, скажемъ только о томъ впечатлѣніи, какое получается хотя бы отъ чтенія напечатанныхъ у г. Мордовцева писемъ Кулиша и Костомарова. Было, кажется, то, что часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Искренній, сильный и талантливый человекъ всецѣло отдаетъ себя дѣятельности для извѣстной идеи. Вокругъ — люди меньше и по таланту, и по преданности идеѣ. Сильный человекъ и видитъ дальше ихъ, и работаетъ больше и лучше ихъ и вслѣдствіи этого хочетъ пользоваться большими правами, т. е. большею самостоятельностью въ своей работѣ. Но толпа какъ разъ этого и не хочетъ позволить. Окружающіе съ удовольствіемъ предоставляютъ ему право работать, но желаютъ, чтобы работа производилась по ихъ указкѣ, пусть онъ, пожалуй, пользуется и нѣкоторой извѣстностью, но не слишкомъ большой. Вѣдь тогда будутъ думать, что только онъ все и дѣлаетъ и что онъ умнѣе

(*) С - Петербургъ, 1882

всѣхъ А онъ и въ дѣйствительности умнѣе всѣхъ и не хочетъ отказываться ни отъ своего ума, ни отъ тѣхъ прерогативъ, которыя последнему принадлежатъ Здѣсь и конфликтъ. Съ одной стороны начинаются крики о “чрезмѣрномъ самолюбіи” и “диктаторскихъ наклонностяхъ”, а съ другой — жалобы на толпу, не понимающую избранныхъ умовъ, и пр Видя это непониманіе, сильный человѣкъ еще болѣе убѣждается въ своей справедливости и совершенно перестаетъ обращать вниманіе на мнѣнія другихъ Для него исчезаетъ критика, въ немъ одномъ уже совмѣщается и творецъ, и критикъ собственнаго творчества. Поэтому, дѣлая ошибку и слыша со всѣхъ сторонъ, что это ошибка, онъ все же не вѣритъ никому, и думаетъ, что его ошибка — открытіе сильного ума, еще не понятое обыкновенными людьми. А обыкновенные люди, видя ошибки, въ свою очередь начинаютъ полагать, что у сильного человѣка и нѣтъ ничего, кромѣ ошибокъ, и оставляютъ его.

Конечно, для этого необходимо, чтобы этотъ сильный человѣкъ слишкомъ превышалъ средній уровень окружающихъ его людей и въ то же время былъ очень самолюбивъ Оба эти условія были на лицо и въ данномъ случаѣ, а потому нѣчто подобное происходило и у Кулиша, съ его петербургскими земляками Отношенія то улучшались, то снова портились. По поводу этихъ отношеній г Мордовцевъ говоритъ въ упомянутой выше книжкѣ. “Для того я ѣ друкую ци лысты йогр, щобъ выдно було, якъ його свои жъ грызлы, та все спотыныга, та ѣ догрызлы до того, що винъ плюнувъ имъ у вичы своєю “Возсоединенною Русью”, а потимъ и “Крашанкою”...(*) Съ этого уже времени начался разрывъ у Кулиша съ обществомъ, приведшій къ печальнымъ послѣдствіямъ И не безъ причины Кулишъ говоритъ, въ “Досвиткахъ”

Нема въ мене роду,

(*) За крашанку — пысанка П Ол Кулишеви Напысавъ Д. Слпчѣнко-Мордовецъ Слб 1882. Стр 22

Немає дружини,
А ні брата-товариша
На всій Україні.
Дума сумовита —
То моя родина;
Сердце одыноке —
Вірнай дружина,
Степи, гори і долини —
Товариство-побратими...

Издание "Основы" прекратилось, дѣла типографіи Кулиша, благодаря управляющему, тоже пришли въ упадокъ. Кулишъ жилъ въ Петербургѣ въ нуждѣ, затѣмъ уѣхалъ на хуторъ подѣ Борзну, хозяйничалъ и жилъ въ такой крайности, что лица его и его жены не отличалась ничѣмъ отъ плохой пици крестьянина. Единственнымъ его заработкомъ были нѣсколько статей въ журналахъ (Исторія борьбы козаковъ съ поляками во время Павлюка и Острианицы и др.). Благодаря личному знакомству съ министромъ Милютинимъ, Кулишъ въ 1864 или 1865 г. поступилъ на службу на значительную должность въ западномъ краѣ (*), но вскорѣ (1869) долженъ былъ ее оставить вслѣдствіе своихъ сношеній съ галицкими малороосами.

Какъ только прекратилась "Основа", Кулишъ сейчасъ же начинаетъ работать въ галицкихъ журналахъ: "Вечерницы", "Мета", "Правда". Тамъ онъ печатаетъ свои новыя стихотворенія, повѣсти ("Мартынъ Гакъ", "Потомки украинського гайдамацтва") и различнаго содержанія статьи (Первый періодъ козацтва одъ його початку до ворогування зъ дяхами", "Нарысь исторіи словесности русько-украиньскои", "Поглядъ на устню словестности украиньску", "Мальована гайдамаццна", "Выкохування дитей" и др.) Въ 1869 году появляется въ Австріи

(*) Исторія съ этой службой Кулиша до сихъ поръ почти совсѣмъ не разъяснена, почему и мы ограничиваемся только упоминаемъ о фактѣ).

его переводъ пятикнижія Моисеева (“Пять книгъ Моисеевыхъ”), а затѣмъ (подъ псевдонимомъ П. Ратая) онъ издаетъ стихотворный переводъ “Псалтири” и таковой же — превосходный — “Книги Іова”; затѣмъ прозою — четвероевангеліе. (Позже, вмѣстѣ съ профессоромъ Пулюемъ, Кулишъ издалъ переводъ всего “Новаго Завѣта”). Оставивъ службу, Кулишъ бывалъ то въ Галиціи, то въ Вѣнѣ. Вся его дѣятельность направилась на Галицію. Эта часть малорусской земли, подавленная болѣе культурнымъ польскимъ элементомъ, нуждалась въ энергической литературной силѣ, могшей помочь ей возрожденію, и Кулишъ, всегда готовый работать, бросился туда, гдѣ въ этой работѣ сильно нуждались. Дѣятельность Кулиша въ Галиціи послужила тамъ къ подъему духа малорусской народности въ борьбѣ съ денационализирующимъ польскимъ элементомъ, придала новыхъ силъ галицкимъ народодюбцамъ.

Все это было до 1873 г. Въ 1873 г. Кулишъ былъ уже въ Петербургѣ и работалъ тамъ надъ своей “Исторіей воссоединенія Руси”, два тома которой появились въ 1874 г., а третій — въ 1877 (конца не было); въ 1877 г. напечаталъ Кулишъ въ № 3 и 6 “Русскаго Архива” и свои статьи о козачествѣ.

По поводу этихъ новыхъ работъ Кулиша г. Пыпинъ, въ своей “Исторіи славянскихъ литературъ” (I, 375) говоритъ следующее: “Подъ вліяніемъ чувства произошелъ послѣдній изумительный поворотъ въ мнѣніяхъ Кулиша, выразившійся въ “Исторіи воссоединенія” и статьяхъ о козачествѣ въ “Русскомъ Архивѣ” 1877 г., гдѣ прежніе идолы были свергнуты съ пьедесталовъ, и авторъ вообще явился злѣйшимъ противникомъ стремленій, въ которыхъ прошла однако вся его прежняя жизнь”. Большинство публики придерживается того же взгляда на послѣднюю литературную дѣятельность Кулиша. Между тѣмъ взглядъ этотъ нельзя назвать вполне точнымъ.

Еще въ концѣ пятидесятихъ годовъ, въ эпилогѣ къ русскому тексту “Черной рады”, Кулишъ говорилъ: “Я желалъ выставить (въ романѣ) во всей выразительности олицетворенной исторіи

причины политическаго ничтожества Малороссеи и каждому колеблющемуся уму доказать... нравственную необходимость слиянія въ одно государство южно-русскаго племени съ севернымъ” (*). Такимъ образомъ съ самаго начала своей долгой литературной дѣятельности Кулишъ является съ одной стороны защитникомъ самобытнаго развитія малорусской народности, а съ другой — сторонникомъ государственнаго единенія южнаго русскаго племени съ севернымъ. Эти два принципа проходятъ красной нитью во всей его литературной дѣятельности до самаго послѣдняго ея дня, и читатель увидитъ ниже, что этимъ своимъ “стремленіямъ” Кулишъ не измѣнялъ никогда.

Защищая индивидуальное “я” малорусскаго народа, Кулишъ относился отрицательно къ историческимъ дѣтелямъ Малороссеи, выражая свое сочувствіе только очень немногимъ изъ нихъ. Вотъ его отзывъ (въ 1861 году) о гетманщинѣ: “Мы не жалѣемъ о ней, какъ объ уничтоженіи корпорацій генеральныхъ старшинъ, которые, вмѣстѣ съ избраннымъ отъ царя гетманомъ, дѣлили между собой войсковое имущество, не заботясь о благѣ народа... Намъ нечего жалѣть о паденіи гетманщины! Это было дерево, подгнившее въ корнѣ и не приносившее никакихъ плодовъ. Если-бы не повалило его петербургское правительство, оно само рухнуло бы и сгнило, оставленное безъ вниманія народомъ” (**). Во второмъ томѣ “Записокъ о Южной Руси”, въ предисловіи къ извѣстной запискѣ Теплова, онъ высказывается объ этомъ еще рѣзче, говоря о “естественной необходимости измѣненія испорченныхъ административныхъ формъ”, — т. е. гетманщины. (З. о Ю. Р., II, 171—174). Исходя изъ такихъ взглядовъ, Кулишъ считалъ политику Петра I и Екатерины II хоть и жестокою иногда (см. дальше въ тѣхъ же “Липовыхъ пущахъ” о насиліяхъ, дѣлавшихся послѣ уничтоженія гетманщины), но государственно-мудрою. Такіе же точно взгляды о необходимости единенія Великороссовъ и Малороссовъ въ одномъ государственномъ тѣлѣ и о неизбѣжности

(*) Русская бесѣда 1858 г., I, 145.

(**) Основа, 1861, V, 22—23. (Липовыя пуши).

и необходимости уничтоженія старыхъ малорусскихъ порядковъ высказываетъ въ послѣдствіи (1882) Кулишъ и въ своихъ гимнахъ “Единому царви” и “Единій царици” — Петру I и Екатеринѣ II, прославляя ихъ за то, что они уничтожили въ Малороссіи корпорацію эксплуататоровъ народа и раздавили “разбѣяны й руиною насыту гадюку за порогами”, — т. е. Сѣчь (*). Такимъ образомъ касательно политическаго положенія Малороссіи во взглядахъ Кулиша нѣтъ принципиальной разницы между тѣмъ, что онъ писалъ въ 1857 и 1861 гг. и въ 1873, 1882 и 1896 годахъ.

Болѣе измѣнились взгляды Кулиша на козачество, но все же не настолько, чтобы въ его первоначальныхъ мнѣніяхъ, нельзя было различить зародышей позднѣйшихъ. Сперва онъ смотрѣлъ на козаковъ взглядомъ, близкимъ ко взгляду Шевченка. Это доказываютъ его “Досвитки”, гдѣ онъ, прославляя первыхъ предводителей козацкихъ (дѣятелей Кумеекъ и Солоницы, Морозенка и др.), говоритъ:

Нехай знають на всимъ свити,

Якъ мы погыбалы.

И, гынучы, свою правду

Кровью запысалы! (**)

Однако уже и тогда онъ хотя и понималъ чувства “дыкого хлюпства”, бушевавшаго въ южныхъ степяхъ въ XVII вѣкѣ, но вполне могъ отдавать свои симпатіи только инымъ людямъ. Его идеаломъ былъ Гошка (“Вельки проводы” въ “Досвиткахъ”), проповѣдникъ божественной истины и врагъ всякаго разбойничьяго насилія, возстававшій противъ разрушительныхъ стремленій темной народной массы. Масса не поняла этого человека и потому убила его, такъ какъ понять его могли только

Не спанили, не схлопили

Диты Украины, —

т. е. истинные сыны своей родины, равно чуждые и

(*) Хуторна поезія, 89—94.

(**) Досвитки, 2-е изд., 21.

поработительскимъ претензіямъ панства, и грубымъ наклонностямъ некультурной массы и служаще только истинно человѣческимъ идеаламъ

И “паны”, и “мужики” Кулишу одинаково несимпатичны Свѣчь запорожская и гайдамаки мало симпатичны ему еще въ 1857 году; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть нѣкоторыя страницы его “Записокъ о Южной Руси” или тѣ мѣста “Черной рады”, гдѣ онъ говоритъ о запорожцахъ или описываетъ буйства сторонниковъ Брюховецкаго Но въ равной степени возстаетъ Кулишъ и противъ панскихъ притѣсненій народа объ этомъ мы уже упоминали, говоря о “Досвіткахъ”, подобныя же мысли находятся въ изобиліи въ его полемическихъ статьяхъ въ “Основѣ”. Онъ желалъ бы встрѣчать въ исторіи только такихъ людей, какъ Юрій Немиричъ, съ котораго онъ рисовалъ своего Голку (*) Такія фигуры привлекали его своею культурностью Эта культурность нравилась ему и въ польско-малорусскомъ панствѣ XVII вѣка, хотя онъ и не симпатизировалъ ему Разыскивая въ прошедшемъ такихъ насадителей культуры какъ Немиричъ, онъ нашелъ ихъ немного, но за то встрѣтилъ много дикости, некультурнаго буйства Это послѣднее чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе отталкивало его отъ себя, а признаки культурности все болѣе и болѣе привлекали Уже въ “Основѣ” 1861 года (IX, 79 — 107) онъ возстаетъ противъ стремленія видѣть въ исторіи Малоросіи только исторію козачества (“Козацтво було тилкы буйнымъ цвитомъ, а иноди й колючымъ бодякомъ середъ нашего дыкого степу Росло въ насъ дечого багато й опричъ козаччыны” Чѣмъ далѣе, тѣмъ Кулишъ все болѣе придавалъ значенія этому “дечому опричъ козаччыны” и наконецъ совсѣмъ пересталъ видѣть въ козачествѣ какія либо признаки культурной творческой силы “Уничтоживъ могущественное королевство .. Польшу, не воздвигъ русскій народный духъ на великихъ пожарищахъ и кладбищахъ прославленной свободы, а лишь далъ возможность новымъ хищникамъ, вмѣсто хищниковъ старыхъ, утвердить здѣсь свое

(*) См примѣчанія къ поэмѣ «Великія проводы» въ «Основѣ» 1862, II, 79

темное господство.”(*) Отъ этого взгляда до взгляда на козаковъ, а тѣмъ болѣе на гайдамаковъ, какъ на силу исключительно разрушительную и враждебную культурѣ слишкомъ недалеко, и потому, сказавъ вышенаведенное въ 1868 г., Кулишъ въ “Исторіи воссоединенія Руси”, черезъ шесть лѣтъ, изображаетъ козаковъ уже исключительно разбойниками

Но если козаки разрушители и враги культурнымъ начинаніямъ, то, послѣдовательно рассуждая, необходимо было снять большую часть (если не всѣ) обвиненій съ цивилизаторовъ, каковыми въ данномъ случаѣ являлись польско-малорусскіе паны. Они были тогда культуръ-трегерами и, борясь съ козаками, защищали дѣло культуры. Такимъ образомъ, послѣ “Исторіи воссоединенія Руси”, появляется “Крашанка” съ похвалами польско-малорусскому дворянству и громами противъ историковъ, защищающихъ козаковъ

Сказаннаго, надѣмся, достаточно для того, чтобы убѣдиться, что взгляды Кулиша на малорусскую исторію измѣнились къ концу его жизни далеко не по всѣмъ вопросамъ, происходившія же измѣненія совершались постепенно, и въ самыхъ первоначальныхъ его взглядахъ уже ясно видны зародыши взглядовъ послѣднихъ лѣтъ его дѣятельности. Эти зародыши, развиваясь все болѣе, и привели къ тому, что начавъ съ книги малорусскихъ героевъ “Украина”, создавая которую авторъ мечталъ сдѣлаться козацкимъ Гомеромъ, Кулишъ дошелъ до проклятій козакамъ и раздражительной полемики съ ихъ защитниками въ послѣднемъ своемъ стихотворномъ сборникѣ “Дзвинь”.

Первый томъ “Исторіи воссоединенія Руси” является несомнѣннымъ приобретениемъ для малорусской исторіографіи. Авторъ указываетъ въ немъ на ту сторону дѣла, на которую до тѣхъ поръ историки мало обращали вниманія, а именно — на

(*) Первый періодъ козацтва од його початку до ворогування з Ляхами
Правда, 1868, №№ 17, 414

значение городского, мѣщанскаго населенія въ прошлой культурной жизни Малороссіи. При изложеніи исторіи XVII вѣка историки говорятъ обыкновенно о козакахъ, духовенствѣ, дворянствѣ, о массахъ “посполитыхъ” и весьма мало удѣляютъ вниманія мѣщанамъ. Кулишъ рядомъ несомнѣнныхъ фактовъ доказалъ все значеніе послѣднихъ въ борьбѣ малороссовъ за свое народное “я”. Въ этомъ главная заслуга книги. Кромѣ того, она вообще прекрасно написана и читается съ большимъ интересомъ. Но за этимъ первымъ томомъ появился второй, третій, новыя статьи. Здѣсь авторъ сидился доказывать, что всѣ историческіе дѣятели Малороссіи козацко-гетманскаго періода, вмѣстѣ съ наиболѣе прославившимся Богданомъ Хмельницкимъ, были просто разбойники и враги культуры, малорусская исторія этого времени это — исторія “украинскихъ разбоевъ”.

Конечно, Кулишъ въ этомъ случаѣ ошибался. Онъ, въ своемъ увлеченіи, упускалъ изъ виду, что въ исторіи каждаго народа бываютъ моменты и цѣлыя эпохи, когда только путемъ кровавыхъ переворотовъ достигается лучшее будущее, и потому дѣятели этихъ переворотовъ являются дѣятелями прогресса, что во всемъ козацкомъ движеніи присутствовали, кромѣ элементовъ разрушительныхъ, и элементы созидательные, что неуспѣхъ движенія обуславливался не столько малой нравственной состоятельностью дѣятелей, сколько исключительно не выгоднымъ положеніемъ края, который былъ лакомымъ кускомъ и потому яблокомъ раздора для трехъ государствъ, что, не смотря на всю неудовлетворительность уничтоженныхъ формъ самоуправленія, введенныя новыя формы были гораздо ниже старыхъ по своей пригодности для населенія и для того дѣла культуры, которое является такимъ дорогимъ для автора. Все это было вполне ясно для каждаго, знакомаго съ предметомъ, и Н. И. Костомаровъ могъ съ полнымъ основаніемъ сказать Кулишу слѣдующее: “Мы далеки отъ того, чтобы скорбѣть объ уничтоженіи Запорожской Сѣчи и готовы признать это уничтоженіе дѣломъ мудрой государственной политики. Но иное дѣло — цѣль, а иное — способы

къ достиженію этой цѣли. Вспомнимъ участь Калнышевскаго и Глобы! Ужасъ овладѣваетъ воображеніемъ, когда представишь себѣ несчастнаго кошеваго, глубокаго старика, ничего иного не показавшаго русскому престолу, кромѣ вѣрности и послушанія: теперь, въ воздаяніе за долгую преданность его бросили его въ сырую и мрачную темницу соловецкаго монастыря и томѣли тамъ въ одиночномъ заключеніи болѣе тридцати лѣтъ. А что сдѣлали съ Запорожскимъ краемъ послѣ уничтоженія Сѣчи? Выгнали наплывшее туда уже издавна вольное населеніе и отдали превращенныя въ пустыню поля и уголья въ добычу вельможамъ, любимцамъ счастія и временщикамъ! Это-ли прославляемая Кулишомъ культура? Уничтоженіе гетманщины въ Малороссіи хотя и могло оправдываться теченіемъ историческихъ судебъ всего русскаго міра, но совершенно съ такими послѣдствіями, которыя не послужили къ пользѣ, благосостоянію и духовному развитію народа. Чтобы слотить тѣснѣе малорусскій край съ другими областями русскаго государства и истребить въ немъ могущія ожить уже примершія завѣтныя историческія побужденія, сочли лучшимъ и простѣйшимъ средствомъ разрознить сословія: козацкимъ старшинамъ даровать, наравнѣ съ русскими служащими въ офицерскихъ чинахъ, дворянское достоинство и право владѣть крестьянами, а простой народъ, такъ называемое въ Малороссіи посполство, отдать въ порабощеніе новоиспеченному дворянству. Что-жъ, и это культура!)*)

Но хотя такіе взгляды Кулиша были несомнѣнною ошибкою, — все же ихъ нельзя назвать, какъ это дѣлали, измѣною своему прошлому, а лишь переменною историческихъ взглядовъ. Появленіе “Крашанки” ухудшило дѣло.

Живя въ 1882 году въ Галиціи, во Львовѣ, Кулишъ возымѣлъ мысль помирить между собою галицкихъ поляковъ и украинцевъ. Намѣреніе было прекрасное, такъ какъ международная вражда

*) Кіевская Старина, 1883, II. П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность — Н. Костомарова, стр. 231 — 232.

объихъ народностей обвѣмъ же приносила вредъ, а особенно малороссамъ. Кулишъ вошелъ по этому поводу въ личныя сношенія съ нѣкоторыми польскими дѣятелями, между прочимъ съ Крашевскимъ, и издалъ памфлетъ “Крапанка” съ цѣлью доказать, что Полякамъ въ Галиціи не слѣдуетъ притѣснять малороссовъ, а послѣднимъ необходимо забыть прежнія обиды, такъ какъ не только поляки дѣлали зло малороссамъ, но и наоборотъ. Но призывая къ этой прекрасной цѣли, авторъ едва ли нѣсколько ошибокъ. Первая заключалась въ томъ, что онъ принималъ во вниманіе только свидѣтельства польскихъ историческихъ источниковъ, отвергая малорусскіе, какъ пристрастные, и забывая, что и польскіе не могли быть иными, такъ какъ принадлежали тоже заинтересованной сторонѣ. Станнымъ также являлось допущеніе, что широкія народныя движенія, какъ напр. возстаніе всего народа, могутъ возникнуть вследствие выдумокъ духовенства и коварной массы идутъ по собственной волѣ на смерть только при томъ условіи, если ихъ положеніе является для нихъ тяжелѣе и страшнѣе риска смерти и самой смерти. Наконецъ забывалось, что малорусское возстаніе являлось протестомъ не только порабоощаемаго народа, но и поробоощаемой національности. Благодаря этимъ ошибкамъ, картина прежнихъ отношеній малороссовъ и поляковъ вышла въ значительной степени ложною, и книжка не только не помогла примиренію, но еще болѣе усилила взаимное раздраженіе, давъ поводъ перебирать старые историческіе счеты.

До сихъ поръ мы разсматривали перемѣны только въ историческихъ взглядахъ Кулиша. Эти перемѣны вызвали наибольшее къ себѣ вниманіе и наиболѣе ожесточенную полемику, хотя и не такъ резко измѣнились, какъ казалось съ перваго взгляда. Гораздо болѣе рѣзкій поворотъ произошелъ во взглядахъ Кулиша на народную массу и на роль интеллигенціи въ культурномъ развитіи этой массы.

Уже изъ сказаннаго отчасти видно — въ какомъ направленіи произошелъ этотъ поворотъ. Остановимся теперь подробнѣе на

этомъ вопросѣ.

Взгляды Кулиша въ первую половину его дѣятельности на народъ и интеллигенцію выразились во многихъ его статьяхъ, печатавшихся въ “Основѣ”, а главнымъ образомъ въ его “Лыстахъ съ хутора” (1861). Кулишъ относится въ нихъ въ высшей степени скептически къ существующей цивилизаціи: онъ называетъ ее “мизерною” и говоритъ: “цивилизація, поворотъ, ведетъ человека къ счастливому существованію. А что, если нѣтъ?” Такое отрицательное отношеніе къ имеющейся на лицо цивилизаціи объясняется тѣмъ, что она создала совершенно ненормальное положеніе на родинѣ автора. Населеніе края рѣзко разбилось на двѣ группы: горожанъ и жителей села. Издавна грамотные горожане отrekliсь отъ сельскаго неграмотнаго люда и его языка и слѣдуютъ за небольшою группою людей, стоящею одиноко среди массъ темнаго народа. Эти люди создали себѣ свой языкъ, свою культуру, понятные только имъ самимъ, и бросили на произволъ судьбы лишеные всякаго просвѣщенія милліоны. Они, правда, иногда обращаются къ этимъ милліонамъ, но лишь для того, чтобы рекомендовать имъ блага городской цивилизаціи. А между тѣмъ эта цивилизація представляетъ лишь образчики крайняго развращенія и эксплуатаціи слабого сильнымъ; тамъ — “людскіе слезы квартами миряютъ” (Осн. 1861, I, 313), тамъ существуетъ только презрѣніе къ труженнику — земледѣльцу и наслажденіе роскошью: “гордятся своими архитектурными сооруженіями, живописью, театромъ, музыкою и поэзіей, а того не дѣймутъ, что все это блестящее искусство служить наиболѣе человѣческой гордынѣ и роскоши и что ужъ не народъ управляетъ художниками, а блестящая кучка легкомысленныхъ людей, знающихъ только восторги ничтожной нѣги и не понимающихъ восторговъ великаго труда, кроваваго пота для человѣческаго блага” (Осн. 1861, II, 230); тамъ и то, что должно служить свѣту, — школа, литература, — въ сущности служить тѣмъ, отрывая сельскаго человѣка отъ его семьи и народа и приобщая его къ этой гнилой цивилизаціи. Наоборотъ, среди сельскихъ массъ

сохранилось здоровье тѣла, чувства и ума, сохранилась истинная нравственность и гуманность. Сообразно этому и созданная сельскимъ народомъ устная литература является продуктомъ болѣе здоровымъ, чѣмъ литература городовъ. “Народная поэзія никогда не оправдываетъ беззаконія; никогда не льститъ низкимъ страстямъ сильнаго, никогда не ругается надъ несчастіями и страданіями. Народная муза полна разума и милосердія”. (Осн. 1861, I, 164—165). Кулишъ рекомендуетъ жителямъ села остаться пока при этой словесности и при немногихъ произведеніяхъ молодой малорусской литературы, какъ напр. Шевченка и Квитки; но какъ книгу книгъ, какъ основу жизни — онъ рекомендуетъ лишь одну книгу — Евангеліе. Евангельскіе принципы должны быть строго проведены въ жизнь, и когда это будетъ сдѣлано, тогда исчезнетъ и социальное, и экономическое неравенство. “Объ этомъ нужно заботиться, а не о пріобщеніи себя къ городской цивилизаціи. “Пусть-бы и не процвели великія искусства; пусть бы не было ни Парфенона, ни церкви Петра; пусть бы все населеніе земнаго шара не вышло изъ сельскаго состоянія (нехай бы вся земля селомъ стояла), — что за бѣда? Лишь бы людямъ не тяжело было на свѣтъ жить!” (Осн. 1861, II, 230). Часть Америки ушла впередъ по пути цивилизаціи, но это только потому, что она прежде совершила то, что намъ еще нужно совершить. “Когда придетъ то время, что изъ хатъ, а не изъ палатъ начнутъ появляться великіе судьи искусства, науки, да и самой правды человѣческой”, — тогда и у нашего народа будетъ своя цивилизація. А пока ему лучше, не идя на погибель, оставаться въ своей грубой корѣ; но сохранять свѣжесть и чистоту ума и чувства и свое “я”. Это, однако, не означаетъ отреченія отъ просвѣщенія, но только то, что просвѣщеніе должно быть истиннымъ: пусть знаютъ Шекспира и иностранные языки, но пусть будутъ людьми, а не “паненятами”: ограничиваютъ свои потребности, ходятъ въ простой одеждѣ и трудятся надъ добываніемъ хлѣба.

Таковы были взгляды Кулиша по данному вопросу въ первый періодъ его дѣятельности, — они дѣйствительно измѣнились до

противоположности во второмъ періодѣ ея.

Прежній защитникъ возстававшаго за свою свободу народа является теперь горячимъ сторонникомъ тѣхъ, кого сперва называлъ поработителями — польско-украинскихъ пановъ, возмущавшійся прежде словами стариннаго стихотворца Климентія, называвшаго непокорныхъ мужиковъ бунтовщиками (Осн. 1861, I, 163), теперь самъ ничего не видитъ въ прошлыхъ движеніяхъ малорусскихъ народныхъ массъ, кромѣ своеволія и бунта. “Народная муза, полная разума и милосердія”, уступила мѣсто разгульной и дикой музѣ пьяныхъ кобзарей, поджигавшихъ, во время бражничанья въ шинкахъ, толпы лѣнтяевъ и своевольниковъ противъ благодѣтельствующаго имъ культурнаго пляхетства. Такими были эти толпы прежде, такими и до сихъ поръ остаются. Народъ — азіатски некультурная дикая масса, лишенная, вслѣдствіе своей дикости, чувства справедливости и гуманности. Какъ прежде истинные поборники культуры — польско-украинскіе панны — имѣли право силой сдерживать варварскіе порывы этой массы, такъ и теперь истиннымъ представителямъ интеллигенціи принадлежитъ право насильственно культивировать эту массу.. Таково впечатлѣніе, производимое многочисленными историческими статьями второго періода дѣятельности Кулиша; а также его стихотворными сборниками “Хуторна поэзія” и “Дзвинь” и драмою “Байда” Мы передаемъ только основной тонъ послѣднихъ его работъ, уклоняясь отъ цитирования произведеній, при чтеніи которыхъ (какъ напр. многихъ стихотвореній изъ сборника “Дзвинь”) тяжело становится на душѣ — столько въ нихъ презрѣнія къ народнымъ массамъ, возвеличиванія насилія и страстно-недобраго отношенія ко всѣмъ несогласно думающимъ съ авторомъ... Правда, Кулишъ признаетъ (см. его полемику съ г. Павликомъ) существованіе экономической необезпеченности народныхъ массъ, но полагаетъ, что улучшеніе ихъ благосостоянія произойдетъ путемъ гуманныхъ

филантропическихъ уступокъ со стороны состоятельнаго командующаго класса *)

Чѣмъ же объяснить такую рѣзкую перемѣну взглядовъ?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ необходимо коснуться отношеній Кулиша къ самобытному развитію малорусской народности. Въ этомъ случаѣ онъ никогда не измѣнялъ своихъ взглядовъ. Признавая исторически-необходимымъ соединеніе южнаго и сѣвернаго русскихъ племенъ въ одно государство, онъ съ самаго начала своей литературной дѣятельности держался того взгляда, что малорусская народность должна органически развиваться и найти себѣ выраженіе въ литературѣ и искусствѣ. И его цѣль была — послужить сколько возможно этому развитію. Придерживается ли онъ козакофильскихъ мнѣній, или взглядовъ “Истории воссоединенія Руси” — онъ одинаково трудится на пользу развитія малорусской литературы и ея языка. Въ самый разгаръ его антикозацкой и антигайдамацкой полемики онъ дѣятельно работаетъ на украинскомъ языкѣ, издаетъ стихотворные сборники (“Хуторна поезія”, “Дзвинь”), отдѣльныя поэмы (“Магометъ и Хадыза”), драмы (“Байда”), издаетъ, но малорусски полный переводъ Новаго Завѣта и работаетъ надъ малорусскимъ переводомъ Библии ветхаго завѣта, переводитъ по украински Шекспира, Шиллера, Байрона, Гейне, — и вся эта неутомимая работа (результаты которой обнародованы только отчасти) продолжается непрерывно. Никто больше его не написалъ по малорусски, и смерть застала его съ перомъ въ рукахъ за малорусской работой. Даже появленіе такой его книги, какъ “Крашанка” вызвано стремленіемъ его помирить поляковъ съ австрійскими малороссами съ цѣлью улучшенія положенія послѣднихъ. Такимъ образомъ не можетъ быть и рѣчи о томъ, что Кулишъ “вообще явился злѣйшимъ противникомъ стремленій,

*) Здѣсь, впрочемъ, онъ болѣе остался вѣрен самому себѣ, такъ какъ онъ никогда сильно не интересовался политико-экономической наукой и разрѣшеніе экономическихъ вопросовъ и прежде ставилъ въ зависимость не отъ законовъ экономики, а отъ распространенія моральныхъ истинъ.

въ которыхъ прошла однако, вся его прежняя жизнь". Кулишъ измѣнилъ во многомъ свои взгляды, но *основного стремленія* всей своей жизни онъ никогда не измѣнялъ, такъ какъ этимъ стремленіемъ было — служить дѣлу развитія родного слова, что онъ всегда и дѣлалъ и всю свою долгую жизнь онъ былъ бойцомъ за это.

Да, вотъ въ чемъ дѣло: онъ былъ по своей натурѣ прежде всего *бойцомъ*, обладавшимъ въ тоже время выдающимся литературнымъ талантомъ. При томъ бойцомъ страстнымъ, увлекающимся и глубоко убѣжденнымъ въ правотѣ защищаемаго имъ дѣла, даже когда ошибался. *Эта* струна звучала въ его существѣ всегда сильнее всѣхъ остальныхъ и всѣмъ остальнымъ давала тонъ. Въ этомъ главнымъ образомъ заключается разгадка той неустойчивости его мнѣній по многимъ вопросамъ, о которой мы говорили выше.

Кулишу съ самого начала его дѣятельности необходимо было конечно опереться на данныя, указывающія на присутствіе въ прошлой и настоящей жизни народа такихъ началъ, которыя не только давали ему право на самобытное развитіе, но и указывали на наличность силъ, необходимыхъ для осуществленія этого развитія. Такими данными явились для Кулиша прежде всего — сильно развитая психика народа и та степень умственного и астетическаго развитія его, которая дала ему возможность создать многочисленные образцы литературы и искусства, часто блестящія всѣми признаками высшей степени красоты; затѣмъ — минувшая историческая жизнь страны, представлявшая примѣры массовыхъ движеній народа въ защиту свободы и своихъ правъ, обнаруживала у этого народа идеалъ демократическаго общественнаго строя съ выборнымъ началомъ и пр. Подъ вліяніемъ яркихъ картинъ, созданныхъ историческими думами: кобзарей, а отчасти и подкрашенной исторіей, вродѣ исторіи псевдо-Конисскаго, воображеніе молодого Кулиша рисуетъ ему образы героев малорусскаго прошлаго, борцовъ за свободу — такихъ же искреннихъ, страстныхъ и благородныхъ, какъ и онъ самъ, хотя

и дѣйствовавшихъ иными средствами. Такъ создается “Украина” — книга малорусскихъ героевъ. И чѣмъ больше авторъ любитъ этихъ героевъ, тѣмъ сильнѣе въ немъ желаніе познакомиться съ ними поближе. Онъ отдается изученію исторіи роднаго края, вчитывается въ лѣтописи и старинные документы, тогда почти нетронутые еще печатью. Пожелтѣвшіе запыленные листки старыхъ рукописей открыли Кулишу много новаго; но ближайшее знакомство съ героями не послужило имъ на пользу въ его глазахъ: онъ не только не нашелъ въ нихъ рыцарей безъ страха и упрека, но наоборотъ — увидѣлъ нравственную и политическую несостоятельность многихъ выдающихся историческихъ дѣятелей Малороссіи и отвернулся отъ нихъ. Если бы онъ и хотѣлъ, то уже не могъ бы писать далѣе свою украинскую Иліаду. Теперь онъ пишетъ беспощадныя обвиненія противъ правящаго класса Малороссіи и говоритъ о гетманщинѣ какъ о подгнившемъ деревѣ. Но развѣ эта “гетманщина” со всею ея “старшиною” — это уже все? Конечно, нѣтъ! Эти люди, подражавшіе изгнаннымъ польскимъ панамъ, являлись лишь притѣснителями народной массы, боровшейся за человѣческія права, стремившейся къ свѣту и добру. Эту героическую борьбу и воспѣваетъ теперь поэтъ въ стихотворномъ сборникѣ “Досвитки” и другихъ произведеніяхъ шестидесятыхъ годовъ, отражающихъ новые его взгляды. Въ этихъ работахъ онъ съ особеннымъ сочувствіемъ изображаетъ то, что не подверглось ни заразѣ “панства”, ни вліянію “мужичества”, — онъ ищетъ только истинно-человѣческаго. Ему уже нѣсколько претитъ кровавый разгулъ народныхъ страстей, но онъ еще видитъ въ немъ историческое возмездіе за причиненное народу насиліе. Наклонность къ историческимъ изысканіямъ не даетъ ему возможности успокоиться на добытыхъ уже результатахъ, и разъ пробужденная мысль изслѣдователя все глубже и глубже вникаетъ въ исторію родной страны. Его художническую и нѣсколько аристократическую натуру (хотя и воспитавшуюся въ демократическомъ направленіи) чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе коробитъ при чтеніи страницъ козацкой

исторія: столько. здѣсь еще грубости и варварства! Нѣтъ, не здѣсь искать героевъ для поэта! Страна, обѣщавшая рай культурности населявшему ее народу, подѣ дѣйствіемъ разрушительныхъ силъ народнаго возстанія превращается въ пустыню, исчезаютъ въ ней всѣ зачатки культуры. На мѣстѣ разрушеннаго эти народныя массы, съ эгонистическимъ командующимъ классомъ во главѣ, не въ состояніи создать ничего новаго; образъ прекрасной страны, павшей въ борьбѣ за свою самостоятельность вслѣдствіе давленія со стороны грубой силы, оказывается лишь плодомъ фантазіи, ни на чемъ не основаннымъ. Наоборотъ: они, эти козаки, сами убили ее:

Умерла ты, матусю Украиню,
Середъ козацны, середъ негоды,
Въ кровы й руины цвѣтъ найкращый згнувъ
Твоей благодатной природы.*)

Безполезно напоминать теперь ему, что онъ упустилъ изъ виду многое, а многomu придалъ слишкомъ большое значеніе, и потому его выводы невърны; бесполезно указывать на то, что онъ забылъ основное правило историка: судить о личностяхъ съ точки зрѣнія ихъ эпохи и приложилъ къ дѣятелямъ XVII вѣка нравственную и умственную мѣрку второй половины XIX столѣтія! Вѣдь весь смыслъ его жизни — въ его работѣ, а какъ много въ этой работѣ онъ основалъ на выводахъ исторіи, на прекрасной мечтѣ! Онъ сознаетъ себя жестоко обманутымъ въ самыхъ дорогихъ своихъ чувствахъ, почти лично оскорбленнымъ отъ сознанія, что опоэтизированные имъ личности и факты оказались не такими въ дѣйствительности. Такъ прочь же это все! Чѣмъ болѣе онъ любилъ его прежде, тѣмъ болѣе теперь ненавидитъ; чѣмъ болѣе украшалъ ореоломъ возвышенности и красоты, тѣмъ болѣе теперь унижить его, сорвавъ съ него незаслуженный вѣнокъ. Обманутая любовь переходитъ въ ненависть. Онъ ненавидитъ эту дикую бунтующую массу; онъ приглядывается къ ней такой,

*) Цитирую по рукописи автора.

какая она есть теперь, — уже успокоившаяся, — и замѣчаетъ въ ней тѣ же черты дикости, даже, можетъ быть, — усилившіяся вслѣдствіе неблагоприятныхъ условій жизни послѣдняго столѣтія. Какъ въ прежнее время необходима была деспотическая рука, чтобы создать порядокъ и зачатки культуры въ странѣ, такъ и теперь лишь сильная рука культур-трегера можетъ цивилизовать эту массу. Поэтому идеи козакофильства и народничества совершенно должны быть устранены изъ круга идей подобнаго ему дѣятеля. Вся его дѣятельность должна быть построена на иныхъ принципахъ, и чѣмъ скорѣе онъ, Кулишъ, убѣдитъ другихъ въ необходимости этой перемѣны, тѣмъ лучше. Отсюда этотъ укоръ, брошенный въ лицо своему народу:

Народе безъ пуття, безъ чести и повагы,
Безъ правды у завитахъ предкивъ дыкыхъ,
Ты, що поставъ зъ безумной одвагы
Гиркыхъ п'яныць та розбишакъ великыхъ!..

Это крикъ страшной боли человека, безумно любящаго свой народъ и не находящаго въ немъ того, что такъ страстно хотѣлось бы видѣть въ немъ: культурности и гуманности. Это ошибка, но ошибка человека, призывающаго свой народъ къ лучшему будущему, говорящаго ему:

На жъ зеркало всесвитне, вызырайся,
Збагны, який ты азіять мызерный,
Своимъ розбоемъ лютымъ не пышайся,
Забудь навикы путь хыжацтва скверный
И до семьи культурныкивъ вертайся!

Къ этому возвращенію въ семью культурныхъ народовъ постоянно призываетъ онъ въ послѣдніе годы своей дѣятельности часто истинно пророческимъ возвышеннымъ словомъ. Но откликнулись-ли теперь на его призывъ такъ, какъ откликались когда то, въ шестидесятые годы

Нѣтъ.

Людей, у которыхъ симпатій къ козачеству являлись неустранимою частью ихъ взглядовъ, отталкивала отъ Кулиша его козакофобія; болѣе молодое поколѣніе, у котораго соціальные вопросы и демократизмъ были на первомъ планѣ, не могло помириться съ его аристократическими воззрѣніями.

Кромѣ того, людей обоихъ направленій не могло не возмутить отношеніе Кулиша къ Шевченку. Во второмъ томѣ своей "Исторіи воссоединенія Руси" Кулишъ позволилъ себѣ отнести къ этому послѣднему недостойнымъ образомъ, назвать его музу полупьяною и т. п. Уничтожить обаяніе имени Шевченка необходимо было Кулишу потому, что поэтъ является могучимъ апологетомъ козачества и пользуется громадною популяренностью среди публики. Выступивъ противъ козакофильскихъ тенденцій, Кулишъ неизбежно долженъ былъ выступить и противъ Шевченка, и отъ того, насколько онъ успѣетъ отклонить симпатіи публики отъ историческихъ произведеній послѣдняго, зависилъ успѣхъ новѣйшихъ взглядовъ Кулиша. Шевченко есть по его мнѣнію(*) неустранимый предметъ малорусской исторіографіи, и вотъ почему онъ противъ него выступилъ. Но выступилъ онъ не со спокойнымъ разборомъ его произведеній, а съ нападками на его личность и на "распущенную" "полупьяную" его музу. Если подобнаго рода нападки, да еще неосновательные, вообще не могутъ быть оправдываемы, то тѣмъ болѣе они должны были оскорбить чувства многочисленныхъ почитателей благородной музы и глубоко симпатичной личности поэта. Правда, позже Кулишъ пробовалъ загладить свой грѣхъ, называя Шевченка "мученикомъ челоуѣколюбія" (въ посвященіи "Крашанки") и говоря, что "все истинно-челоуѣческое въ Украинѣ идетъ подъ знаменемъ Шевченка", но затѣмъ опять возвращался къ прежнему и тѣмъ болѣе возбуждалъ противъ себя негодованіе лицъ, думавшихъ иначе.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ въ концѣ семидесятыхъ и въ

*) Исторія воссоединенія Руси, II, 24.

восмидесятихъ годахъ противъ Кулиша сильно было возбуждено большинство публики. Препренее почитаніе смѣнилось чуть не ненавистью. Мало было такихъ спокойныхъ и резонныхъ указаній на ошибки Кулиша, какъ статья Костомарова, цитата изъ которой приведена нами выше. Личная неприязнь къ Кулишу порождаетъ страстность и иногда несправедливость обвиненій. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Кулишъ говоритъ, что онъ никогда не былъ *орудіемъ* въ рукахъ силы, но всегда самостоятельной *силою*. Этимъ обуславливалась продуктивность его дѣятельности но въ то же время и непримиримость отношеній къ нему тѣхъ, которые были настолько самолюбивы, что не желали быть орудіемъ, и настолько лишены убежденности, энергии, силы ума и таланта, что не въ состояннн были сдѣлаться силою. Люди, за всю свою жизнь не сдѣлавше и десятой доли того, что было сдѣлано Кулишемъ лишь въ теченіи послѣднихъ лѣтъ его жизни, а часто и совсѣмъ ничего не сдѣлавше, обвиняли въ измѣнѣ того человѣка, который имѣлъ самоотверженіе задыхаться подъ тяжестью работы въ то время, когда многие и многие изъ бросавшихъ въ него камнемъ занимались лишь прекрасными разговорами, который имѣлъ мужество работать среди насмѣшекъ, клеветъ, зависти и равнодушія къ дорогому для него дѣлу. Забывалось давно сказанное, что не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, а Кулишъ всегда много дѣлалъ, его ошибки и увлеченія (были всегда искренни и, дѣлая ихъ, онъ постоянно имѣлъ хорошую цѣль — выясненіе истины. Все это не могло не вызывать раздраженія въ гордой, самолюбивой и отчасти нетерпимой натурѣ Кулиша и не усиливать рѣзкость и страстность отвѣтовъ и нападаній на противниковъ съ его стороны.

Онъ пересталъ обращать вниманіе на чьи-либо замѣчанія, сталъ вѣрить въ свою непогрѣшимость и твердо былъ убѣжденъ въ томъ, что только онъ одинъ знаетъ истину и можетъ ее теперь понять; лишь будущія поколѣнія увидятъ ее ясно въ его сочиненіяхъ и оцѣнятъ по достоинству. Поэтому онъ пишетъ не для современниковъ, а для потомства ..

Оставимъ эту печальную страницу его біографіи и взглянемъ на то хорошее, что далъ онъ намъ въ послѣдніе годы своей дѣятельности.

Въ двухъ сборникахъ стихотвореній послѣднихъ годовъ («Хуторна поезія» и «Дзвинь») (*) находятся вещи (какъ напр. «Народе безъ пуття», «Про зелени садкы», стихотворенія на темы о любви и природѣ), которыя представляютъ поэтическіе перлы, какъ напр. и это стихотвореніе, посвященное имъ, по всей вѣроятности, женѣ:

Чоломъ доземный мойъ же такы знаній.

I.

Я знавъ тебе маленькою, ризвою,
И буде вже тому съ пивсотни литъ.
Ми бачылы багацько дывъ съ тобою,
Мы бачили и взнали добре свитъ.
Боролысь мы не разъ, не два съ судьбою,
И въ боротьби осыпався нашъ цвитъ.
Видъ свиту мы прегордого видбылысь,
Да въ старощахъ ще краще полюбились.

(*) Сообщаемыя въ этой статьѣ свѣдѣнія о сочиненіяхъ Кулиша «Крашанка», «Хуторна поезія», «Магометъ и Хадыза», «Дзвинь» и нѣкоторыхъ другихъ, раньше упоминавшихся, взяты нами изъ обзоровъ литературной дѣятельности Кулиша послѣднихъ годовъ и разборовъ этихъ произведеній, а именно изъ слѣдующихъ статей и книгъ: За крашанку — пысанка П. О. Кулишеви. Напысавъ Д. Слипченко-Мордовець, Слб. 1882; — Очерки исторіи украинской литературы XIX ст. проф. Н. И. Петрова (Живъ, 1884) и разборъ этой книги проф. Н. П. Дашкевича («Отчетъ о двадцати десятомъ присужденіи наградъ графа Уварова. Приложение къ LIX-му тому Записокъ Императорской Академіи наукъ. № 1. Слб. 1888.); — Исторія русской этнографіи А. Н. Пыпина, т. III. Этнографія малорусская. Слб. 1891; — П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность, статья Н. И. Костомарова въ «Кіевской Старинѣ» 1883, № 2, 221 — 234; — рецензія г. Н. П. на «Хуторну поезію» и «Крашанку» тамъ же, 1882, № 6, 509 — 519; — рецензія на «Дзвинь» г. Науменко тамъ же, 1896, IV, 28, и др.

II.

Скажи, коли бь вернувь изновь той день,
Якь бачылысь уперве мы съ тобою,
Чы зновь бы ты спивала тыхъ писень,
Що по свитахъ летять було за мноюъ
Чы зновь бы ты, зачувшы дзень-дзелень,
На морози лягала головою
И слухала музыку тыхъ копытъ,
Що до твоихъ неслы мене ворить?

III.

О, знаю, що коли бь есы и зь раю,
Кинця й винця усихъ земныхъ розлукъ,
Почула, що дориженьку верстаю
До тебе кризь дымы пекельныхъ мукъ
И серденькомъ на сылахъ знемогаю,
И падае знеможенный мій духъ, —
Позичила бь ты крыль у серафыма,
И рынулась къ мени свить за очыма.

IV.

И въ морокъ зла зи свиту чыстоты
Метнулась бы однимъ одна душею...
Перемогла бь нечисту сылу ты
Пречыстою потугою своею, —
И, въ пари, мы въ чудовни высоты
Знялысь бы зновь понадъ жыття грязею,
И писля всихъ тривога и завирухъ,
Були бь — одынъ блаженно тыхый духъ.

Къ сожалѣнію, большинство стихотвореній этихъ сборниковъ посвящены полемикѣ съ противниками историческихъ взглядовъ автора.

Перечитывая эти пьесы, убѣждаешься еще разъ, что Кулишъ былъ наилучшимъ знатокомъ малорусскаго языка, наилучшимъ малорусскимъ стилистомъ, и жалѣешь, что стихотворенія эти являются въ такой прекрасной и сильной формѣ: такъ очевидно достоинство формы не соотвѣтствуетъ здѣсь достоинству содержанія...

Изданная Кулишемъ отдѣльно поэма “Магометъ и Хадыза” рисуеъ исторію любви этой первой жены пророка къ своему мужу. Образъ Магомета очерченъ съ большимъ къ нему сочувствіемъ. Къ сожалѣнію, въ поэмѣ много реторики.

Возвратившись от 1883 г. въ Россію, Кулишъ прожилъ послѣдніе 13 лѣтъ своей жизни въ тиши своего небольшого хутора подъ Борзною. Отдѣлившись отъ міра, съ которымъ онъ не ладилъ, мало встрѣчая сочувствія, живя часто въ очень неблагопріятныхъ условіяхъ, онъ все же продолжалъ работать, не теряя бодрости духа и энергіи. Онъ занимался хозяйствомъ, причемъ нерѣдко самъ исполнялъ обязанности и слуги, и хозяина, ходя за плугомъ или присматривая за домашнимъ скотомъ, а все свободное время посвящать литературной работѣ. Трехтомная “Исторія отпаденія Малороссіи отъ Польши” и нѣсколько его статей въ русскихъ журналахъ по исторіи же, прошли незамѣченными: онъ въ нихъ повторялся. Больше вниманія обратила на себя его драма въ стихахъ “Байда, князь Вышневецкый.” (Спб. 1885). Изъ этого полу-авантюриста, полу-героя, воспѣваемаго въ пѣсняхъ народомъ, Кулишъ сдѣлалъ борца за истину, говорящего —

Шануйте щыру правду, а не виру!

и ищущаго этой правды и дома, и на службѣ у московскаго царя, и въ землѣ турецкой, ищущаго, нигдѣ не находящаго и погибающаго отъ рукъ тѣхъ, кому желалъ добра. Повтореніе исторіи съ Голкою (въ поэмѣ “Вельки проводы”) въ новой варіаціи. Превосходный энергическій языкъ и нѣсколько поэтическихъ мѣстъ не позволяютъ, однако, забыть несимпатичной тенденціи автора и не разъясняютъ вопроса — какой же именно “правды” искалъ Байда и почему онъ ее искалъ такъ, а не

иначе... Въ рукописи остались еще двѣ драмы Кулиша, тоже историческія: “Царь Наливай” и “Петро Сагайдачный”. Окончилъ ли онъ начатую имъ драму “Хмилъ Хмельныцькій” мы не знаемъ.

Намъ остается сказать еще только о переводахъ Кулиша. Во Львовѣ онъ издалъ томъ переводовъ Шекспира, остальные переводы по малорусски британскаго драматурга (всего Кулишъ перевелъ 13 піесъ) лежатъ еще въ рукописи; частью напечатаны, а частью лежатъ въ рукописяхъ его переводы изъ Байрона, Гете, Шиллера, Гейне, а также стихотворные переводы изъ Библии. Въ послѣдніе годы своей жизни Кулишъ приготовилъ полный малорусскій переводъ Библии, но онъ сгорѣлъ во время бывшаго у него пожара, уничтожившаго очень цѣнную библіотеку и рукописи и заставившаго Кулишей жить нѣсколько лѣтъ въ амбарѣ, приспособленномъ кое-какъ къ обитанію. Въ 1894 г., подъ вліяніемъ просьбъ земляковъ, Кулишъ рѣшилъ предпринять громаднй трудъ: перевести всю Библию снова. Онъ хотѣлъ чтобы переводъ былъ вполнѣ научный, сдѣланный съ критически провѣреннаго текста. Семидесятипяти-лѣтній старикъ обложилъ себя англійскими и нѣмецкими библіологами и взялся за работу. Онъ работалъ съ утра до вечера; начавъ весь переводъ съизнова... Приходилось работать въ такой холодной комнатѣ, что онъ долженъ былъ писать въ перчаткахъ... Плохое здоровье, ослабѣвавшее послѣ недавно перенесенной имъ инфлуэнцы, не останавливало его. Въ теченіи двухъ съ небольшимъ лѣтъ онъ изъ 50 книгъ, составляющихъ ветхій завѣтъ Библии, перевелъ 29 или 30. Воспаленіе легкихъ и быстро наступившая 2 февраля 1897 г. смерть, не дали ему закончить работы. Но онъ работалъ почти до самой смерти и уже лежа въ послѣдній день въ безпамятствѣ, быстро водилъ пальцемъ по воздуху: онъ писалъ, заканчивалъ переводъ Библии...

Онъ умеръ на своемъ посту культурнаго работника.

